

Александр Огородников*
Наваполацк

Рижский мирный договор в советской и современной белорусской историографии

Abstract

The Riga Peace Treaty was a very important political fact for the whole of Eastern Europe and for this reason it began to figure in Soviet historiography almost immediately after its signing. This interest on the part of the Soviet government in the treaty was justified by the desire to 'soften' the results and 'explain' the reasons for the defeat in the Soviet-Polish war. The war, which was very important from an ideological point of view for Soviet Russia and was initially presented as 'the victorious march of bolshevism to the West'. At the same time, despite the ideologization of Soviet historiography on the issue of the Riga Peace Treaty, these works contain factual material and also deserve critical analysis.

In modern Belarusian historiography, despite the enormous importance of issues related to the Riga Peace Treaty, there are still no elaborated and generalizing research works of an encyclopedic and dissertation nature that consider this issue from a critical and non-ideologized point of view. Such works should be based on the achievements of global scholarship, take into account different points of view and reveal the true reasons, conditions and consequences of the conclusion of the Riga Peace Treaty between Poland and Soviet Russia for Belarusians and Belarusian lands. At the same time, modern Belarusian historiography is in continuous development and, of course, in the near future, it will be replenished with new scientific works, including those revealing the problems of the Riga Peace Treaty.

Key words: Riga Peace Treaty, historiography, Soviet historiography, modern Belarusian historiography, Soviet-Polish war

Słowa kluczowe: Traktat Pokojowy w Rydze, historiografia, historiografia radziecka, współczesna historiografia białoruska, wojna radziecko-polska

* State University in Polotsk, e-mail: shura_ogorodnikov@gmail.ru, ORCID: 0000-0002-5415-1002.

Территория современной Беларуси располагается на своеобразном пересечении западной и восточной цивилизаций. Нахождение на геополитическом перекрестке во многом предопределило историческое развитие данных земель. Закономерным явлением такого трансграничного положения были частые войны, проходившие на данных территориях.

Польша – государство возрожденное после распада мировых империй (Российской, Германской и Австро-Венгерской) и РСФСР (возникшая после распада Российской империи), выбрали разные и даже противоборствующие идейно-политические системы государственного развития – буржуазная демократия и социализм. Диаметрально противоположные позиции двух стран в государственном строительстве, а также новая геополитическая ситуация, своеобразный вакуум власти в регионе Центрально-Восточной Европы, привели к возникновению конфликтной ситуации и началу советско-польской войны (28 января 1919 – 18 марта 1921).

Советско-польская война явилась кровопролитным и экономически затратным конфликтом для обеих сторон, но в итоге победоносным для Польского государства. Последовавший за советско-польской войной мирный договор, подписанный в Риге 18 марта 1921 г., среди прочего, сформировал восточную границу Польши, предопределил вхождение западных земель (в современных территориальных границах) Беларуси и Украины, а также Виленщины вместе с городом Вильно в состав Польской Республики. Рижский мирный договор имел важное международное значение, был частью послевоенной системы международных отношений – Версальской-Вашингтонской. Договор явился очень значимым политическим событием для региона Центрально-Восточной Европы, был средством пацификации, способствовал переходу к мирному строительству и развитию, повлиял на международное положение, как Советской России (позже и СССР) и Польши, так и на дальнейшие взаимоотношения двух государств.

Благодаря такому международно-правовому акту, как Рижский мирный договор, впервые в истории произошло официальное признание в качестве самостоятельных субъектов международного права БССР и УССР. По причине своей судьбаносной значимости, Рижский мирный договор стал фигурировать в историографии стран, непосредственно затронутых данным актом, практически сразу же после его подписания. При этом на первых порах большинство работ носили характер публицистический и полимический. Авторы, многие из которых были непосредственными участниками или современниками тех событий, зачастую не приследовали целей глубинного анализа Рижского мира и советско-польской войны в целом, а опираясь на личную политическую ориентацию и тем самым «собственную точку зрения», пытались ответить на вопросы, которые наиболее остро волновали польскую и советскую общественность.

Советско-польская война в советской историографии анализировалась достаточно подробно, но при этом чаще с позиции сугубо военного противостояния между странами-участниками, акцентируя внимание на

сражениях, численности войск и потерях, тем самым упрощая и упуская реальную социально-политическую значимость последствий конфликта. Непосредственно Рижский мирный договор изучался редко, как бы вскользь и больше рассматривался в контексте финальной точки военного конфликта¹. Работа польско-российско-украинской согласительной комиссии и ход переговорного процесса в Риге², чаще вообще оставались вне поля зрения исследователей. При этом важно отметить, что и советско-польская война и Рижский мирный договор, в советской историографии рассматривались крайне односторонне и тенденциозно. Большинство работ по данной проблематике, вышедших из печати в советское время, носят сугубо идеологический характер, однако при критическом анализе данных трудов, они представляют достаточный фактографический интерес.

После поражения Советской России в войне с Польшей и тем самым отказа от идеи «распространения социалистической революции в Европе»³, советские историографы в попытках «смягчить» итоги и «объяснить» причины поражения в советско-польской войне, старались доказать, что большевистское руководство страны вело «миролюбивую политику» и стремилось избежать войны, а ответственность за развязывание конфликта и в последствии затягивание мирных переговоров лежала всецело на Польше⁴. Всевозможно отмечалось, что эта война имела «империалистический, несправедливый, захватнический характер»⁵, являлась составной частью иностранной военной интервенции, спланированным вторжением на территорию суверенного советского государства, в котором принимали участие, как страны Антанты и США, так и «натравленная и всячески поддержанная» ими Польша⁶. Разумеется, советская историография опускала тот факт, что и среди стран Антанты имелись достаточные разногласия касающиеся будущего статуса Польского государства в регионе Центрально-Восточной Европы. По этой причине поддержка Антантой Польши не была такой всесторонней, особенно в вопросе «излишнего распространения» восточных границ новосозданного государства, как старалась представить советская печать.

Советские историографы активно употребляли термин белополяки, при этом, в идеологических целях, в расчет совершенно не брались глубочайшие противоречия между польским и «белым» руководством во время Гражданской войны в России в вопросах послевоенного территориального урегулирования на землях бывшей Российской империи. Кроме того, часто проводилось сравнительное сопоставление между германской

¹ *Документы внешней политики СССР...*, 1959, т. 3, с. 618.

² П.Н. Ольшанский, 1969, с. 200; П.Н. Ольшанский, 1974, с. 13.

³ *Гражданская война в России...*, 1930, с. 392; М. Тухачевский, 1992, с. 63.

⁴ М. Павлович, 1920, с. 6; К. Радек, 1923, с. 56; У. Пичэта, 1928, с. 142; Н.В. Каменская, 1963, с. 164.

⁵ Ф.Г. Зуев, 1954, с. 49.

⁶ К. Радек, 1923, с. 55; Я. Иоффе, 1930, с. 154; Л. Ломов, 1935, с. 8; Н.Ф. Кузьмин, 1958, с. 8.

и польской интервенцией. При этом утверждалось, что поляки на занятых территориях проявляли себя в сравнении с кайзеровскими войсками с большей ненавистью по отношению к местному населению, отметились «... свирепым произволом с неограниченными грабежами, разрушениями и бесцельными убийствами»⁷. Несомненно, такой «вывод» советской историографии был политически ангажирован и продиктован большевистскими идеологическими установками.

Мотивацией для начала военного конфликта Польши с Советской Россией, исходя из трактовки советских историографов, якобы послужило желание высшего польского руководства и представителей крупного капитала уничтожить советскую власть в белорусских, украинских, литовских землях⁸ и «вернуть эти территории под помещичье буржуазное управление»⁹. Советские историографы преследовали цель максимально демонизировать поляков, принизить самостоятельность их решений и значимость победы в войне, а также попытаться выставить советское государство «жертвой империалистических интервентов» в советско-польской войне.

Достаточно подробно советские историографы рассматривали проблему послевоенного территориального разграничения, поскольку данный вопрос являлся одним из ключевых и наиболее спорных пунктов при переговорах в Риге¹⁰. Утверждалось, что советское правительство при решении территориального вопроса, в первую очередь принимало во внимание этнографический принцип¹¹, а поляки якобы руководствовались имперскими амбициями и реваншистскими настроениями. Однако, по причине желания скорейшего мира, так как «молодая Республика Советов вступила в период восстановления народного хозяйства»¹², советское руководство было вынуждено согласиться на условия, предложенные польской стороной. Вхождение же по Рижскому мирному договору в состав Польши западных земель (в современных территориальных границах) Беларуси и Украины, советская историография характеризовала однозначно, как крайне несправедливые¹³ и более того, временные¹⁴, но вынужденные территориальные уступки советским руководством в сложившихся социально-экономических и военно-политических условиях¹⁵.

Белорусская государственность и национальный вопрос в контексте Рижских договоренностей в советской историографии упоминались вскользь. При этом историографами принципиально замалчивались попытки создания белорусской государственности не на советских, а бур-

⁷ А. Зимионко, 1932, с. 6.

⁸ Ю. Мархлевский, 1921, с. 40; И.Ф. Лочмель, 1939, с. 12.

⁹ М. Павлович, 1920, с. 4; К. Радек, 1920, с. 6; М. Вислинский, 1935, с. 43.

¹⁰ С.Ю. Выгодский, 1965, с. 37; Н.И. Лебедев, 1982, с. 42.

¹¹ У. Пічэта, 1928, с. 141.

¹² Н.В. Каменская, 1963, с. 256.

¹³ *Революционный путь Компартии...*, 1966, с. 8; *Борьба трудящихся Гродненщины...*, 1958, с. 21.

¹⁴ *Борьба за советскую власть...*, 1971, т. 2, с. 571.

¹⁵ В.И. Ленин, 1977, с. 320.

жуазных основах (БНР), тем самым формируя в общественном сознании «единственно верный и возможный» политический вектор развития белорусских земель (БССР). Также совершенно упускались из виду советских историографов встречи с целью нормализации отношений представителей Польши и Советской России в Беловеже, Микошевичах и Борисове, акцентируя внимание на военно-политических и социально-экономических аспектах.

Советской историографией активно формировался образ «полуколониальных кресов восточных». Утверждалось, что белорусский народ оказался на бесправном политико-правовом положении в составе Польского государства, подпал под гнет польской административной системы, был разобщен Рижским миром и не имел никакой возможности на национальное самоопределение¹⁶. Безапелляционно утверждалось, что местное белорусское население на территориях, которые вошли в состав Польши, подвергалось систематической дискриминации, а также грабежу и всевозможному насилию¹⁷. Зачастую вырывая факты из контекста и интерпретируя их в выгодном для себя свете, не приводя каких-либо существенных доказательств, советская историография, используя эмоциональный окрас, формировала необходимое в идеологических целях восприятие Рижского мира простыми советскими обывателями внутри страны.

В целом, тематика Рижского мирного договора в советский период была достаточно «неудобной» с политической точки зрения, поскольку Рижский мир означал поражение Советского государства в войне с Польшей. Советское руководство страны, было вынуждено пойти на принятие условий мира, продиктованных польской стороной. Такой шаг окончательно продемонстрировал несостоятельность идеи «мировой революции», приверженцем которой являлся сам В.И. Ленин, что дополнительно создавало клишированную трактовку проблематики Рижского мирного договора в исторической советской литературе.

Таким образом, советские историографы решали в первую очередь задачу идеологическую и конъюнктурную, упрощая и идеологизируя, выводили на первый план классовый аспект, как непосредственную причину советско-польской войны. Рижскому мирному договору советская историография внимания уделяла недостаточно, фактически приуменьшая его роль и значимость, как самостоятельного международно-правового акта. Это говорит о слабой проработке и поверхностном анализе вопроса.

Вместе с тем советская историография создавала образ страдающего белорусского народа под непосильным «гнетом польских панов», а Рижский мирный договор интерпретировался, как несправедливый акт, предопределивший политический и социально-экономический разрыв советского белорусского государства. Кроме того преднамеренно игнорировался, а вследствие чего не находил отражения в советской печати тот факт,

¹⁶ Д. Боген, 1931, с. 5; Б. Вонсовский, Г. Рудомино, 1927, с. 23.

¹⁷ А. Зимонко, 1932, с. 23.

что официальное признание БССР и УССР в качестве самостоятельных субъектов международного права состоялось как раз-таки во многом благодаря Рижскому миру. При такой односторонней и безапелляционной трактовке Рижского мирного договора советской историографией, научной составляющей отводилась второстепенная роль, а главенствующая задача заключалась в идеологизации исторического процесса.

С распадом СССР и последовавшими геополитическими изменениями, а также обретением независимости, бывшими советскими республиками, появилась возможность взглянуть на историческую науку с другой стороны – не сквозь призму марксизма-ленинизма, с искажением и замалчиванием отдельных страниц истории в угоду идеологии, а правом исследовать и писать о ранее запрещенных или же нежелательных темах¹⁸. В этот период в сферу исследования начали вводиться прежде недоступные оригинальные источники¹⁹, в том числе, значительный массив документов из рассекреченных архивов спецслужб после снятия режима «специального хранения». Все это дополнительно позволило пролить свет на лакуны в исторической науке в целом, а также непосредственно дало возможность более объективной трактовки событий советско-польской войны в историографии.

Рубеж конца 1980-х – начало 1990-х гг. явился временем зарождения современной белорусской историографии. Начался процесс пересмотра прежних воззрений на многие события прошлого, в том числе и на Рижский мирный договор. Современный этап изучения Рижского мира в контексте советско-польской войны, в белорусской историографии характеризуется в первую очередь акцентом не на военно-политических аспектах, а на вопросах связанных с белорусским национальным движением и становлением белорусской государственности, чего явно не хватало в советской историографии.

В сравнении с советской эпохой, современные белорусские исследователи стали обращать больше внимания на ход и специфику переговорного процесса не только на финальном рижском этапе, но и на более ранних советско-польских переговорах, которые проходили в Беловеже, Микшевичах, Борисове, Барановичах и Минске²⁰. Подробнее исследователи взглянули и на процесс определения государственно-политического статуса белорусских земель (в том числе при отказе Польши от реализации федералистической концепции), формирования белорусского участка советско-польской границы (территориальной конфигурации БССР), а также ректификации пограничной линии (незначительных изменениях и уточнениях в положении границы относительно линии государственной границы, ранее установленной Рижским мирным договором)²¹. Кроме того, белорусскими историографами в процессе советско-польских

¹⁸ Р. Лінднэр, 2003, с. 286–300.

¹⁹ *Знешняя палітыка Беларусі...*, т. 1, 1997, с. 108–258.

²⁰ *Гісторыя Беларусі...*, 2007, с. 118.

²¹ О.Н. Боровская, 2018, с. 59.

переговоров стала отмечаться непосредственная взаимосвязь решения вопросов финансово-экономических и проблематики формирования послевоенной границы²², что также недостаточно раскрывалось советской историографией.

Современные белорусские историографы обратили внимание и на территориальные изменения для Советской Беларуси после подписания Рижского договора, по которому БССР в 1921 г. «возобновлялась под чутким руководством РСФСР» на небольшой территории, которая составляла 52,3 тыс. км кв. с населением порядка 1,5 млн человек²³. Оставаясь в таких границах до 1924 г., когда произошло существенное территориальное укрупнение БССР, в 1926 г. состоялось второе и последнее территориальное увеличение республики, в итоге территория страны составила 125,8 тысяч км кв., а численность населения выросла до 4,9 млн человек²⁴. Данная тематика не вызывала большого интереса у советских историографов и чаще оставалась в разряде констатации факта, без раскрытия реальных причин и следствий такого геополитического решения со стороны советского руководства по отношению к белорусским территориям. Интерес современных белорусских историографов данными вопросами позволил создать, как более целостную картину хода советско-польского переговорного процесса, так и объективно взглянуть на политическую игру вокруг белорусских земель сквозь призму становления белорусской государственности.

Позиция Советской России по вопросу государственного строительства на белорусских землях, во время советско-польских переговоров²⁵, стала рассматриваться белорусскими историками, как часть дипломатической игры советского правительства в ходе мирных переговоров, как инструмент внешнеполитической линии РСФСР²⁶. Это впервые позволило беспристрастно взглянуть на существовавшую послевоенную геополитическую ситуацию и отсутствие возможности полноценной реализации проекта создания на базе белорусского этноса демократического, независимого и неделимого государства (БНР)²⁷. При этом Рижский мирный договор в белорусской историографии стал окончательно определяться не только, как раздел белорусских этнических земель – компромисс между враждующими сторонами, но и как официальный и неоспоримый факт признания белорусской советской государственности²⁸. Этот бесспорный и объективный факт не находил должного отклика в советской историографии по причине односторонней и крайне негативной трактовки Рижского мира как геополитической реалии.

²² А.В. Ціхаміраў, 2003, с. 310.

²³ Г.С. Марцуль, 1997, с. 90.

²⁴ *Гісторыя Беларусі...*, 2007, с. 187.

²⁵ М.У. Сільчанка, 1997, с. 239.

²⁶ Н.С. Сташкевич, 1989, с. 142; У.Ф. Ладысеў, 2001, с. 23; Р.Р. Лазько, 2011, с. 41.

²⁷ А. Кротаў, 1995, с. 47.

²⁸ В.А. Круталевич, 1999, с. 318; О.Н. Боровская, 2018, с. 196.

Необходимо отметить, что на первых порах становления современной белорусской исторической науки, белорусские историографы находились под влиянием «советской историографической школы». Так белорусские историографы продолжали придерживаться мнения, что непосредственной причиной начала конфликта между Польшей и Советской Россией явилась целенаправленная политика «сталкивания» двух молодых государств Антантой и США²⁹, не учитывая при этом интересы и перспективы самой Польши в войне. Кроме того отмечалось, что действия польских войск нанесли огромный ущерб белорусским землям³⁰, забывая при этом уточнить, что в конфликте участвовала не только польская сторона.

Также в русле сложившейся советской историографической традиции продолжал делаться акцент на «отторжении без учета принципа национального самоопределения от Советской Беларуси западных территорий»³¹, то есть 113 тыс. км кв. с населением порядка 4,6 млн человек, а также особое внимание уделялось «утрате крупных белорусских промышленных и транспортных центров», как Гродно, Брест, Белосток, Барановичи, Пинск, Лида, Слоним, Новогрудок. Более того, передача западных земель современной Беларуси в состав Польши трактовалась, как «мина замедленного действия», которая подрывала стабильность польской национальной государственности, преобладанием именно белорусского этноса на «западно-белорусских землях»³². Данная дефиниция носит идеологический характер, нежели имеет под собой объективный научный анализ, ввиду того, что белорусы не являлись однозначно преобладающим этносом, по крайней мере, социально-экономически, на территории современных земель западной Беларуси с 1921 по 1939 гг., поскольку, на данных землях также в значительной степени проживали поляки, евреи, русские, украинцы, балтийские народы.

Трактовка вопроса отдельными белорусскими историографами, как «отторжение западных белорусских территорий» подводила к идее, что пакт Риббентропа-Молотова (23 августа 1939 г.) и западный поход Красной армии (17 сентября 1939 г. – 5 октября 1939 г.), явились «закономерными и исторически справедливыми итогами позволившими объединить разобщенный советский белорусский народ в едином государстве – Белорусской Советской Социалистической Республике». Данная интерпретация вопроса носит крайне дискуссионный, более того провокационный характер. Такая точка зрения не отменяет факта, что СССР в сентябре 1939 г., предварительно заключив военно-политический договор с Германией, а также воспользовавшись дезорганизацией польской армии после череды сентябрьских поражений от немецких войск, вторгся в восточные земли суверенного Польского государства и захватил так называемые «кресы восточные». Впоследствии советское руководство, после подписания

²⁹ М. Сафонаў, 1990, с. 77.

³⁰ *Рижский мир в судьбе...*, 2014, с. 6.

³¹ В.А. Круталевіч, 1990, с. 13.

³² В. Кушнер, 1999, с. 23.

советско-литовского договора о взаимопомощи (10 октября 1939), передало Литве Виленский край (Виленскую область) и непосредственно город Вильно (Вилюс). В ноябре того же года основная часть территории «кресов» была включена в состав советских республик (БССР и УССР)³³, тем самым значительно территориально увеличив республики, а также существенно укрепив их социально-экономический потенциал.

В современной белорусской историографии были предприняты попытки выработать этноцентрическую, «национальную позицию» по вопросу советско-польской войны. Когда достаточно справедливо утверждалось, что белорусские земли фактически оказались между «польским молотом и большевистской наковальней», где действия и польских войск и красноармейцев, для белорусских земель, начали рассматриваться одинаково, как разорительные и оккупационные³⁴. Разумеется, что в советский период точка зрения так называемого «двойного зла» была неприемлема, где красной армии отводилась однозначная роль «освободителя братского белорусского народа от ненавистных польских панов».

Также современными белорусскими историографами отмечалось, что «белорусские земли не принадлежали ни полякам, ни большевикам, а только местному населению»³⁵. Такая позиция отражала желание белорусских историографов продемонстрировать историческую преемственность на белорусских землях, а также подчеркнуть самодостаточность белорусов как нации. Кроме того, в белорусской историографии была предпринята попытка акцентировать внимание на терминологии, придерживаясь термина «польско-советская война», а не «советско-польская», опираясь на утверждение, что военные действия начала именно польская сторона³⁶. Такая точка зрения белорусской историографии не отличается от трактовки «советской историографической школы» о так называемом «виновнике» войны между Польшей и Советской Россией. При этом акцент белорусских историографов на терминологии, а фактически перестановке слов, носит скорее идеологический характер, нежели сугубо научный.

Таким образом, современная белорусская историография продолжает находиться в постоянном развитии и пополняется все новыми научными работами, в том числе и по проблематике Рижского мирного договора. Однако, несмотря на огромную важность вопросов, связанных с Рижским миром, в современной белорусской исторической науке до сих пор отсутствуют синтезные энциклопедические и специальные монографические исследования, анализирующие данную проблематику сбалансированно и с критической точки зрения. Изданные работы по данной тематике в большей степени фрагментарны и представлены статьями, по этой причине многие аспекты Рижского мирного договора остаются малоизученными и требуют дальнейшей глубокой проработки.

³³ *Нарысы гісторыі Беларусі...*, 1995, с. 259.

³⁴ Л. Казлоў, А. Цітоў, 1993, с. 42.

³⁵ У.Е. Снапкоўскі, 2017, с.8.

³⁶ *Нарысы гісторыі Беларусі...*, 1995, с. 43; *Энцыклапедыя гісторыі...*, 2001, т. 6, с. 195.

Кроме того, в современной белорусской историографии до сих пор не сложилось единой точки зрения по оценке Рижского мирного договора для белорусских земель, граждан и белорусской государственности. Видится, что это задача молодых белорусских ученых, которые с опорой на достижения современной мировой исторической науки, учитывая различные точки зрения и раскрывая реальные причины, условия и следствия заключения мирного договора в Риге для белорусов и белорусских земель, подготовят фундаментальные, исчерпывающие исследования, которые, несомненно, дополнят и даже обогатят мировую историческую науку.

Библиографія

- Боген Д., 1931, *Заходняя Беларусь пад крывавым бізуном польскіх акупантаў*, Менск.
- Боровская О.Н., 2018, *Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса*, Москва.
- Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг.: сборник документов и материалов в двух томах*, т. 2: *Февраль 1919 г. – 1920 г.*, 1971, Минск.
- Борьба трудящихся Гродненщины за Советскую власть (1918–1939 гг.)*, 1958, Гродно.
- Вислинский М., 1935, *Внешняя политика Польши на современном этапе*, Москва.
- Вонсовский Б., Рудомино Г., 1927, *Куда Пилсудский ведет Польшу. Политико-экономический очерк современной Польши*, Минск.
- Выгодский С.Ю., 1965, *У истоков советской дипломатии*, Москва.
- Гісторыя Беларусі: у 6 томах*, 2007, т. 5, Менск.
- Гражданская война в России 1918–1921, 1930*, Москва.
- Документы внешней политики СССР*, 1959, т. 3, Москва.
- Зимионко А., 1932, *Оккупация и интервенция в Белоруссии*, Москва.
- Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў*, т. 1: *1917–1922 гг.*, 1997, Менск.
- Зуев Ф.Г., 1954, *Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920)*, Москва.
- Иоффе Я., 1930, *Организация интервенции и блокады советской республики 1918–1920. Очерк*, Москва–Ленинград.
- Казлоў Л., Цітоў А., 1993, *Беларусь на сямі рубяжах*, Мінск.
- Каменская Н.В., 1963, *Белорусский народ в борьбе за советскую власть (1919–1920)*, Минск.
- Кротаў А., 1995, *Гульня ў незалежнасць (3 матэрыялаў пераедычнага друку 20-х гадоў)*, «Беларуская мінуўшчына», № 4, с. 46–54.
- Круталевич В.А., 1999, *История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922)*, Минск.
- Круталевич В.А., 1990, *Рыжскі мірны дагавор*, «Спадчына», № 1, с. 12–14.
- Кузьмин Н.Ф., 1958, *Крушение последнего похода Антанты*, Москва.
- Кушнер В., 1999, *Беларуска-польскія адносіны падчас савецка-польскай вайны і пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора 1921 г.*, [w:] *Granice i pogranicza: Historia codziennosci i doświadczeń*, т. 2, red. M. Liedke, J. Sadowska, J. Trynkowski, Białystok, s. 22–27.
- Ладысеў У.Ф., 2001, *Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкая дыпламатыі ці паражэнне?*, «Беларускі гістарычны часопіс», № 3, с. 23–29.

- Лазько Р.Р., 2011, *Польска-савецкія мірныя перамовы і лёс БССР*, «Białoruskie Zeszyty Historyczne. Беларускі гістарычны зборнік», № 35, с. 33–56.
- Лебедев Н.И., 1982, *СССР в мировой политике: 1917–1982*, Москва.
- Ленин В.И., 1977, *Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г.*, Москва.
- Лінднэр Р., 2003, *Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст.*, Санкт-Петербург.
- Ломов Л., 1935, *Польша и ее армия*, Москва.
- Лочмель И.Ф., 1939, *Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов 11 июля 1920 г.: к 19-й годовщине*, Минск.
- Мархлевский Ю., 1921, *Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией*, Москва.
- Марцуль Г.С., 1997, *Гісторыя Беларусі: насельніцтва. Фарміраванне і вызначэнне этнічных і дзяржаўна-адміністрацыйных межаў. Беларускае замежжа*, Мінск.
- Нарысы гісторыі Беларусі*, ч. 2, 1995, Менск.
- Ольшанский П.Н., 1969, *Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.)*, Москва.
- Ольшанский П.Н., 1974, *Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924*, Москва.
- Павлович М., 1920, *Война с польскими панами: польско-шляхетская авантюра*, Харьков.
- Пічэта У., 1928, *Польска-савецкія адносіны і Рыскі мір*, «Полымя», № 5, с. 83–100.
- Радек К., 1920, *Война польских белогвардейцев против Советской России*, Москва.
- Радек К., 1923, *Внешняя политика Советской России*, Москва–Петроград.
- Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.)*, 1966, Минск.
- Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 книгах*, кн. 1, 2014, Минск.
- Сафонаў М.В., 1990, *Польская інтэрвенцыя у Беларусі у 1919 г. і яе сувязь з міжнародным імперыялізмам*, «Весці АН БССР» № 4, с. 70–78.
- Сільчанка М.У., 1997, *Беларуская дзяржаўнасць*, Гродна.
- Снапкоўскі У.Е., 2017, *Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг.*, Мінск.
- Сташкевич Н.С., 1989, *На грани возможного. Идеино-политическая борьба вокруг создания белорусской советской государственности: «белые пятна»*, «Неман», № 10, с. 137–152.
- Тухачевский М., 1992, *Поход за Вислу*, Москва.
- Ціхаміраў А.В., 2003, *Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкая вайны (1918–1921)*, Мінск.
- Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*, т. 6, 2001, Мінск.